
В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУР

Ю. В. ЛЮБИМОВ

ОБРАЗ ДРУГОГО (Восток в европейской традиции)*

Статья 1

*В статье рассматривается проблема *Imago alterius* на примере образа Востока в западноевропейской традиции. Показана принципиальная значимость социокультурных представлений в сфере международных отношений, в особенности политических. Вместе с тем отмечается важность самого политического и экономического контекста в формировании такого образа. Для западноевропейской и американской традиции важным условием являлось то, что «объект» Образа был, как правило, отделен от «субъекта» территориально, а источниками информации были специфически ангажированные социальные группы: политики, чиновники, коммерсанты, литераторы.*

Во многом западноевропейские представления оказали воздействие и на формирование образа Востока в других странах Европы, в частности в России, чему будет посвящена следующая статья.

Понятие образа

Образ представляет собой одну из важнейших категорий философии и психологии, в которой концентрируются существенные вопросы познания и бытия: характер и мера осмысления и понимания действительности определяют не только наше знание, но и действие (см. подробнее: Любимов 2007).

Важнейшей характеристикой образа является его объектная отнесенность. Действительно, говоря «образ», мы всегда подразумеваем «чего?»; иными словами, возникает некая диада: объект и его образ. В сущности, объектом может быть не только вещь, но и более широкий круг объектов и их отношений, характеризующих вещный мир. Иными словами, тот или иной конструкт нашего со-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-03-00258а.

знания также может стать *объектом* для образа. При этом нельзя говорить вполне об *объективности* объекта (понятия «объектность» и «объективность» различны по смыслу), поскольку он может быть воображаемым, т. е. *субъективным*.

Образ всегда связан с тем, что он *отображает*. Этим мы фиксируем, с одной стороны, существующее и, с другой – его *представление*, по существу, некий познавательный конструкт. Но здесь совершается серьезная ошибка, поскольку, как правило, подразумевается специфический продукт: зрительный образ, слуховой и т. п. Мы невольно *фиксируем* отображение сущего на уровне конкретно-научного понятия, акцентируя лишь *некий* явленный аспект. Так, Аристотель, по определению А. Тренделенбурга (Аристотель 2002: 167), различает ἐνέργεια (деятельность) и ἐντελέχεια (осуществление), т. е. состояние, *выявившееся* из деятельности, когда нечто оказалось возведенным к своей *осуществленности*. Знаменитое речение Протагора: «Человек есть мера всех вещей, сущих, что они существуют, и не сущих, что они не существуют» – оказывается в этом аспекте интересным благодаря использованию слова χρῆμα для обозначения *вещи*, ибо в нем содержится особый смысл. Глагол χρᾶσθαι (*ион. χρέομαι*) означает «*пользоваться, употреблять, предаваться (какому-либо занятию), брать или давать займы*». Т. е., по сути, речь идет не столько о самой вещи в *объектном* смысле, сколько о том *образе*, который вмещает в себя способы ее применения, а также и отношения к ней (нравится – не нравится, удобна – не удобна, у меня – не у меня и т. п.). Иными словами, образ вещи снимает в себе способы ее употребления и собственно условия, в которых осуществляется деятельность с нею.

Следовательно, мы можем отметить еще одну важную характеристику образа – *субъектность*. По существу, следует говорить о *со-бытии* образа, т. е. об образе как взаимодействии субъекта и объекта, связующем вещь с ее отображением, осуществляющим связь бытия с его образом.

Обратим внимание также на то, что связь субъекта и объекта не является односторонней. По существу, мы всякий раз наблюдаем специфическое коммуникативное действие, т. е. взаимодействие.

Однако образ не только «продукт» или «результат», но, что чрезвычайно важно, – условие всякой деятельности.

В книге Бытие есть интересное в этом контексте речение: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Библия 1990: Быт. 1, 26). Если вдуматься в эту фразу, она звучит несколько странно: ведь в обыденной речи «по образу нашему» и означает «подобно нам». Греческий текст, который был источником для славянского перевода, также не раскрывает загадки: «κατ' εἰκόνα ἡμετέρον καὶ καθ' ὁμοίωσιν»¹. В латинском переводе сохраняется этот же порядок: «*ad imaginem et similitudinem nostram*»². Здесь *imago*, однокоренное со словом *imitor* (подражать, воспроизводить), означает своего рода имитацию, а *similitudo* – подобие, сходство. Зачем же необходимо было вводить такого рода «повторы»? Разрешает вопрос обращение к еврейскому тексту, в котором сказано о создании «в образе нашем»³ и «как подобие наше». Здесь отчетливо подчеркивается, что образ – это прежде всего во-ображение⁴, замысел, т. е. некий план, задумка, содержащая определенную цель, в том числе и некое подобие⁵. Хотя русский перевод *скрыл* этот дополнительный смысл, но при внимательном рассмотрении его легко обнаружить. Недаром говорят: «каким образом», т. е. «как» или «по какому плану», поскольку речь может идти о некоем представляемом результате. Образ лишь некоторым образом отображение, отражающее, «отталкивающееся» от вещи, но не тождественное ей.

Взаимоотношения субъекта и объекта подразумевают и другого рода связи. Целостность образования обуславливает неравномерное восприятие даже основных характеристик объекта. В истории человечества мировосприятие кристаллизовалось, а следовательно, отмечались сознанием и вербализовались те или иные явленные признаки. Но существенным признаком образа является не только его структурность, но и запечатление невербализованного (а также и невербализуемого) опыта. В качестве иллюстрации можно при-

¹ Буквально: «по образу нашему и по подобию».

² Буквально: «по образу и подобию нашему».

³ Или, скажем так, «в соответствии с образом нашим».

⁴ Буквально: в образе.

⁵ Очень интересны поздние переводы Библии, в которых, по-видимому, использовался греческий и еврейский источники. Так, в Кралицкой Библии 1579–1588 гг.: «*Učijme člověka k obrazu našemu, podlé podobnosti našeho*», – где образ означает и «схему», и «чертеж» (Czech... n.d.). Также в так называемой «Библии короля Якова» 1611 года: *Let us make man in our image, after our likeness*. Во французском переводе Луи Сегонда 1910 года: *Faisons l'homme à notre image, selon notre ressemblance*. Однако в переводе М. Лютера 1545 года: *Laßt uns Menschen machen, ein Bild, das uns gleich sei*.

вести особый психотерапевтический эффект гадания. Когда реципиенту задают некоторую абстрактную схему его «настоящей» жизни, ему приходится неопределенность своего понимания действительности интерпретировать (*преобразовывать* в реальное) в соответствии с предлагаемой системой координат. Для обычного человека образ *реального* всегда отличается значительной степенью неопределенности. Вопрос «Как относится такой-то к такому-то?» или «Что следует ожидать от такого-то события?» становится в результате гадания вполне жизнеспособной схемой, где *узнаваемый* «бубновый король» связан с *узнаваемой* «трефовой дамой» *узнаваемым* «червовым интересом». Вновь созданный образ ситуации становится *руководством* к действию, формирующим осознанное поведение, т. е. выступает как вполне сознательная цель. Это не исключает того, что цель может оказаться призрачной и далекой от реальности.

Очевидно, образ мира – это основной круг *предметов*, составляющих среду жизнедеятельности человека, и не просто человека, а конкретного человека. Известная пословица «Сытый голодного не разумеет» очень верно отображает эту ситуацию. Или более сильное: «Каждый понимает в меру своей испорченности». Иначе говоря, знание о среде возникает лишь тогда, когда она включается в индивидуальный опыт конкретного человека, является для него *бытием*.

Запад и Восток

Образ Востока и отношение к нему формировались в специфических познавательных условиях. Несмотря на то, что отношения Запада и Востока были взаимны, более того, самоидентификация самого Запада возможна лишь в условиях *существования* Востока, последний постепенно становится объектом подчинения и соответственно объектом исследования.

Американский ученый палестинского происхождения Э. Саид попытался показать сферу *мысли* и *действия*, связанного с введенным им понятием *ориентализм*, формирующимся под воздействием доминирующей силы в конкретно-исторический период (Saïd 1979). Трудности, возникавшие при этом, обусловили две основные характеристики и образа Востока. Формирование понятия о Другом опиралось на имевшееся знание о себе. «Мы» и «они», «свое» и «чужое» тесно переплетались в процессе взаимодействия. «Они» на первых порах куда конкретнее, реальнее, несут с собой те или иные определенные свойства – бедствия от вторжения «их» орд, непони-

мание “ими” “человеческой” речи (“немые”, “немцы”)... “Мы” – это уже значительно сложнее. Реально существовавшая в первобытности общность, взаимосвязь индивидов ощущается теперь каждым из них либо посредством той или иной персонификации, либо посредством различных обрядов, обычаев, подчеркивающих принадлежность индивидов к данной общности в отличие от “них”» (Поршнеv 1966: 81).

Первые контакты, если они носили мирный характер, вызвали ощущение чего-то непривычного и соответственно чужого, но тогда возникло и понятие о себе как о чем-то настоящем, своем. Чукчи и коряки называют друг друга *«таньмгытан»* или *«танго»*, что все-таки более «чужой», чем «противник» в смысле «враг». Себя же называют при этом «человек», «настоящий человек», «житель данного поселка». Таково же самоназвание нивхов, означающее «человек». Этого же порядка, но по признаку языка у славян противопоставление «немцам», чем других именуется «язык нем». Развитие взаимоотношений могло приводить к дальнейшему уточнению. Немирный их характер вызывал либо переосмысление уже имевшихся названий, либо прямое указание на враждебность, как «булэн» («враг») – эвенское название юкагиров, бывших в прошлом воинственными (Никонов 1984: 47). Вместе с тем обычно мирные отношения определяли иной тип названий: «восточные», «живущие у такой-то реки», «жители побережья», «поляне», «бужане» и т. п. «На определенном этапе развития общества этнического самосознания, отличного от осознания принадлежности к тому или иному родственному коллективу, вообще не существовало... этническое самосознание еще “не вычленилось” из самосознания родственной группы» (Крюков 1984: 11).

Во-первых, европейцы обращали внимание на те явления, которые были наиболее *«странными»*, во-вторых, запечатлевалось это как полярная противоположность *«своему»*. В результате возникло представление: «Они *совершенно иные*». И этот ярлык работал и у Дж. Чосера, Дж. Мандевила, У. Шекспира, Дж. Драйдена, А. Поупа и Дж. Г. Байрона. Это имело отношение в целом к Азии как Востоку, в географическом, нравственном и культурном смыслах. Так говорили о восточной личности, восточной атмосфере, восточных сказках, восточном деспотизме, об азиатском способе производства.

Способ видения нового как одной из версий уже известного иллюстрируется реакцией средневековой Европы на ислам, рассмат-

ривавшийся как своего рода ересь в христианстве (его считали вариантом арианства)⁶. Арабская экспансия, охватившая не только близлежащие регионы (Персию, Сирию, Малую Азию), но и Северную Африку, Испанию, Сицилию, некоторые районы Франции, а в XIII–XIV веках установившая господство в Индии⁷, Индонезии и некоторых районах Китая, произвела неизгладимое впечатление на Европу.

Христианские авторы, являвшиеся свидетелями мусульманских завоеваний, не проявляли интереса к высокой культуре, поскольку переживали, по выражению Э. Гиббона, «самый темный период своей истории» (Gibbon 1855: 399). Ислам вызывал лишь ужас от опустошения, которое производили *орды ненавистных варваров*. Вплоть до конца XVII столетия «исламская опасность»⁸ была насущной проблемой Европы и угрозой для христианской цивилизации. Но и в дальнейшем, когда Османская империя включилась в сферу европейской внешней политики, отношение к ней оставалось настороженным⁹.

Хотя культурные, материальные и интеллектуальные отношения с Востоком развивались неравномерно, линия раздела оставалась по-прежнему стабильной. И все же в основном Запад двигался на Восток, а не наоборот.

За исключением ислама *остальной* Восток для Европы был до XIX столетия областью с непрерывной историей бесспорного за-

⁶ Более того, исходя из внешнего сходства, считалось, что Мухаммад для ислама то же, что Христос для христианства. Ислам часто именовался магометанством (мухаммеданизмом). А поскольку Мухаммаду приписывались самые отрицательные черты, ислам превратился в лжеучение, второразрядную ересь, поскольку, находясь на периферии христианского мира, Аравия была прибежищем всяческих еретических учений. Недаром Данте помещает Мухаммада в восьмом круге Ада, за ним следуют еще более грешные – Иуда, Брут, Кассий. Любопытно, что в первом круге у Данте среди добродетельных язычников Авиценна, Аверроэс и даже Саладин (Салах ад-Дин), с которыми соседствуют Авраам, Сократ, Платон, Аристотель.

⁷ Делийский султанат. Однако мусульмане стали проникать в Индию уже с VII века (История... 1968).

⁸ Османская империя географически охватывала территории Ближнего Востока и значительной части Балканского полуострова, но политическое пространство ее было более внушительным.

⁹ На самом деле не все так однозначно. Показательно отношение к Османской империи, например, в период Крымской войны (1853–1856 годов) и во время (и особенно после) Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В системе угроз для Европы «исламская опасность» *уступила* перед «русской опасностью». Подобная ситуация, к сожалению, имеет примеры и ныне, что можно иллюстрировать «особым» отношением к «Аль-Каиде» в разные периоды ее существования.

падного господства. Это представлялось верным в отношении Индии¹⁰, ЮВА, Китая. В наиболее отчетливой форме оно «сформулировано» Р. Кипплингом:

Твой жребий – Бремя Белых!
Как в изгнание, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли;

На каторжную работу –
Нету ее лютей, –
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей¹¹.

Но только арабский и мусульманский Восток представлял для Европы нерешенную проблему на политическом, интеллектуальном и какое-то время экономическом уровне.

Несомненно, ислам был реальным вызовом во многих аспектах, так как находился в опасной близости к христианству и географически, и культурно, поскольку вобрал в себя достижения греко-иудейской традиции и одержал множество военных и политических побед. Кроме того, на территории мусульманских стран расположены святыни христианства. Именно поэтому регион и называется Ближним Востоком.

Англо-французское соперничество

Английская Ост-Индская компания *включилась* в уже существовавшую в Могольской Индии систему торгово-экономических отношений, поначалу лишь добиваясь права вести торговлю, уплачивая при этом обычные пошлины и налоги (Новая... 1961: 47). Воспользовавшись начавшимся распадом Могольской державы, «в 1717 г. англичане добились от императора Фаррук Сияра фирмана, предоставлявшего им большие привилегии в Бенгалии... Компании предоставлялось на правах заминдара 38 деревень в районе Калькутты и разрешалась чеканка монет» (Новая история... 1961: 82). И хотя наваб Бенгалии Муршид Кули-хан отказался выполнить все

¹⁰ В одной из своих речей в 1931 году У. Черчилль сказал: «У Индии нет политических признаков единого государства, точно также как их нет, например, у Европы. Индия – это скорее географическое понятие. Ведь никто же не назовет государством, скажем, экватор» (Черчилль 2005: 524).

¹¹ Из стихотворения «Бремя белых» в переводе В. Топорова (Киплинг 1989).

условия фирмана, англичане стремительно расширяли сферу своего влияния.

Обострившаяся к середине XVIII века борьба за влияние в Индии между Францией и Британией привела к военному противостоянию между европейскими державами.

Индия XVIII века по европейским понятиям все еще не была единым государством. На ее территории сосуществовали сотни разного рода владений, не имевших четко очерченных границ. Раджа мельчайшего из них мог владеть всего одной-двумя деревушками, в то время как были поистине гигантские владения, к примеру Могольская держава. Хотя смерть Аурангзеба (1707 год) и нашествия Надир-шаха (1738–1739 годы) нанесли серьезный удар могуществу державы, Великий Могол все же продолжал оставаться формальным сюзереном многих соседних областей, включая Бенгалию. Именно у одного из Великих Моголов (шаха Алама II, который в то время был пленником англичан) представитель Компании испросил для нее права «дивани» (финансового управления), добившись тем самым полного подчинения Бенгалии (Там же: 102). Часть функций оставалась у бенгальских навабов (гражданские дела, суд, поддержание порядка), но у англичан оказались основные рычаги власти, давшие им реальные основания претендовать на владычество во всей Индии. Умело играя на противоречиях между индийскими раджами, Англия затем не только распространила свою власть в Индии, но и устранила своего главного конкурента – Францию.

Едва ли кто из собравшихся в Лондонском порту, чтобы встретить очередной корабль, прибывший из Индии, мог предполагать, что далекая восточная страна – не фантазия. Столько чудесного и таинственного говорилось о ней с той поры, как Британская Ост-Индская компания обосновалась в Бенгалии! Всюду распространялись слухи о несметных богатствах, превращавших британских обывателей в сказочных королей. Толпа ждала новых известий о приключениях, ждала, чтобы тут же разнести истинные и вымышленные подробности из жизни набобов. Акционеры Компании готовились подсчитывать дивиденды. Возвращающиеся в Туманный Альбион планировали обустройство жизни на родине, получив за свои мытарства на чужбине подчас значительное вознаграждение. Вознаграждение порой было настолько значительным, что вопрос о его происхождении разбирался в комиссии Палаты общин. Так случилось в 1773 году с бывшим губернатором Бенгалии Р. Клайвом. Учитывая его заслуги перед страной (а он прославился еще

в битве при Плесси), комиссия вынесла оправдательный приговор за «похвальные услуги своей стране».

Были среди искателей приключений и те, кто не ограничивался лишь меркантильными соображениями, а, подобно У. Джонсу, проявил глубокий интерес к необычной культуре. Благодаря таким подвижникам европейцы смогли познакомиться с шедеврами индийской мудрости, накопленной тысячелетиями. Уже в конце XVIII века на язык Шекспира и Мильтона были переведены «Бхагаватгита», «Хитопадеша», «Шакунтала» Калидасы, «Гитаговинда», «Законы Ману». В 1784 году по инициативе У. Джонса было основано Бенгальское азиатское общество, предпринявшее первые реальные попытки изучения прошлого Индии, публиковавшее специальный журнал «Азиатские исследования». Однако стремление понять значительно уступало в то время стремлению завоевать. Сотни и тысячи британцев отправлялись в Индию, чтобы, каждодневно рискуя здоровьем и даже жизнью, добывать свое благополучие в безоглядной погоне за призрачным счастьем.

По представлениям же индийцев владения Ост-Индской компании рассматривались как одно из индийских княжеств, которых уже было немало. И это неудивительно, так как для Индии того времени типично, что правителями были мусульмане, а основную массу населения составляли индусы, каковым был, например, Майсур. Существующая кастовая система вполне допускала «симбиоз» подобного рода. Это касалось не только правящего слоя, но и различных этнических и конфессиональных групп. Хотя «именно кастовая система и была постоянным объектом нападков со стороны средневековых реформаторских сект. Однако абсорбирующая роль индуизма проявлялась как раз в том, что отвергавшие кастовую систему секты по прошествии некоторого времени начинали восприниматься остальными индусами (а зачастую и сами воспринимали себя) в качестве новых каст» (Рыбаков 1981: 136).

Иначе обстояло дело с французской колонизацией. Экономически более отсталая и «погрузившаяся» в европейские проблемы (войны за испанское, австрийское наследство) Франция не смогла противостоять последовательной и прагматичной политике Британии. Несмотря на относительный успех французов в период губернаторства Ж. Ф. Дюплекса¹², им пришлось уступить англичанам.

¹² По существу, Франция отчасти реализовывала феодальный тип колонизации, что отразилось на противоречиях между представителем «новых французов» буржуа Дюплеком и дворянином Б. Ф. Лабурдоннэ (Новая история... 1961: 92–93).

Еще одна попытка укрепить свое положение в Индии была предпринята в связи с англо-майсурскими войнами (1767–1799 годы). Если в первой войне успех был на стороне Хайдара Али, то последовавшие военные действия потребовали дополнительной поддержки. Как Хайдар Али, так и его преемник Типу Султан рассчитывали на помощь Франции, которая оказалась не в силах противостоять более продуманной тактике англичан. Начавшаяся Великая французская революция переориентировала все внимание на внутренние проблемы, хотя французы продолжали «обдумывать» и индийские планы.

В эпоху активного англо-французского противостояния в Индии мусульманские страны были своего рода мостом, который необходимо было пересечь. Именно этим обусловлен предпринятый Наполеоном поход в Египет¹³. Понимая важное стратегическое положение Египта, он предпринял беспрецедентные усилия для подготовки похода. Может быть, это уникальный случай в истории, но в военном походе Наполеона сопровождали, а чаще шли впереди, прежде всего ученые, изучавшие нравы, обычаи народов, целями которых было налаживание связей с местным мусульманским населением¹⁴. Интересно, что все заявления Наполеона тотчас переводились на арабский язык и снабжались обильными цитатами из Корана. В обращении к жителям Александрии 2 июля 1798 года Бонапарт заявил: «*Nous sommes les vrais musulmans*» («*Мы истинные мусульмане*» – *фр.*) (Said 1979: 82). Попытка осмысленно подойти к решению военных задач на первых порах увенчалась успехом. Однако к концу 1799 года резко обострилось внутривосточное положение во Франции¹⁵. Английский флот под командованием Нельсона разгромил французскую эскадру у Альбукира, закончился неудачей поход в Сирию, сложилась новая антифранцузская коалиция и возобновилась война в Европе. Наполеон был вынужден, оставив армию генералу Ж. Б. Клеберу, покинуть Египет, так

¹³ По замыслу Наполеона захват Египта французами должен был создать плацдарм для дальнейшего сухопутного продвижения в Индию, где наиболее отчетливо проявилось англо-французское противостояние.

¹⁴ Нечто подобное предпринимали монголы при подготовке своих захватов в XIII веке. Подготовка похода обязательно включала тщательную разведку, в которую входил сбор подробнейшей информации о народах, подлежащих завоеванию. Монгольские агенты использовали элементы своеобразной психологической войны и пропаганды. В отдельных случаях монгольских завоевателей встречали как освободителей (см.: Вернадский 2004).

¹⁵ По приезде в Париж 18 брюмера (9 ноября) Наполеон, «спасая» республику, совершил переворот, а спустя чуть более четырех лет стал императором.

и не сумев достичь Индии и повторить успех Александра Македонского. Планы Наполеона иногда принимали весьма причудливую форму. Так, дипломатическими усилиями ему удалось добиться выхода России из антифранцузской коалиции и договориться с Павлом I о совместных усилиях в этом предприятии. В конце 1800 года Павел I, выйдя из антифранцузской коалиции (Россия, Великобритания, Австрия, Турция, Неаполитанское королевство) и установив, напротив, союз с Наполеоном, отдал приказ отправить донских казаков в Индию, чтобы совместными русско-французскими усилиями противостоять своему новому внешнеполитическому врагу – Британии. Всего с войска набрали 510 офицеров, 20947 казаков конных полков, 500 артиллеристов и 500 калмыков. Эти люди составили 41 конный полк. Казаки в марте 1801 года дошли до Иргиза (современный Казахстан), но убийство Павла I сорвало планы действий против Британии. Подозревают, что убийство русского императора произошло не без участия британской дипломатии, а именно Ч. Витворта, бывшего посланником при дворе Павла I с 1788 по 1800 годы (Картины... 1909).

После завоевания в 1799 году Майсура англичане посадили на престол раджу из рода Водяров, как бы восстанавливая династию. Княжество осталось, но пал последний очаг сопротивления. А Франция, занятая решением своих внутренних проблем, навсегда потеряла Индию, оставив небольшие владения на побережье.

Однако впервые в Европе Восток предстал его письменными текстами, языками, культурой. Азия приобрела более точное интеллектуальное и историческое измерение. В 1809 и 1828 годах были изданы двадцать три огромных тома «Описания Египта» (*Description de l'Égypte*). Это, по существу, завершило этап накопления знаний.

Возродить Восток от его существующего варварства до прежнего классического величия; направить Восток (для его же собственной пользы) по пути современного Запада; придать Востоку форму, идентичность, определенность с полным признанием его места в истории, его отношения к имперской стратегии и его «естественной» роли как придатка Европы; учесть, систематизировать, обобщить все знания о Востоке, его традициях, типах, характерах – вот цели, реализованные в этом книжном колоссе.

Собственно *ориентализм* возникает в конце XVIII – начале XIX века. Это связано с деятельностью не только ученых специа-

листов, но и более широкого круга авторов, создававших своеобразную ментальность в отношении Востока, не следующую логике «объекта», а, напротив, подчиняющуюся логике исследователя. Развитие представлений о Востоке шло в русле конкретных задач, решаемых Западом. Этот период характеризуется соперничеством Британии и Франции.

Фоном восприятия была стабильная конфронтация, объясняемая мотивацией европейцев, – колониальные захваты, т. е. подчинение. Имея определенные преимущества в Сирии, Франция, несмотря на некоторые успехи в стратегии и тактике, уступала англичанам в практике (Said 1979: 225).

Евроцентризм и ориентализм

Конечно, можно допустить, что какой-нибудь творческий гений, оригинальный талант или мощный ум преодолеет установленные границы знания, но опора на предшественников не может не оказать влияния даже в этом случае. Такая сфера, как *ориентализм*, реализует весьма отчетливую связь с основами мировидения (Библия, классика, филология). В результате получается упорядоченное («*ориентализованное*») знание или видение.

Ориентализм – школа интерпретации, *объектом и предметом* которой оказываются цивилизации, народы и территории Востока. *Объективные* открытия ориенталистов – преданных ученых, которые переводили и редактировали тексты, дешифровали ранее неизвестные языки, составляли словари, восстанавливали ушедшие эпохи, производили позитивное знание, поддающееся проверке, – всегда обуславливались фактом, что любые словесно выразимые истины воплощены в языке. Но насколько язык способен отобразить истинное? Ведь язык, по существу, продукт человеческих отношений и поэтому представляется как динамическая система метафор, метонимов, антропоморфизмов. И, следовательно, такое понятие, как «Восток», обрастает различными смыслами, ассоциациями, коннотациями, что подчас не соответствует реальности (*Ibid.*: 203).

Таким образом, ориентализм не столько позитивная доктрина, сколько обусловленное знанием *представление*, основанное на *впечатлениях* путешественников, коммерсантов, чиновной администрации, военных экспедиций, паломников, читателей романов об экзотических путешествиях. Все это порождает соответствующую идиоматику, включающую такие понятия, как «восточный дес-

потизм», «восточная чувственность, духовность», «восточный характер».

Если прежде представление о Востоке – это собрание идей, представлений, клише, то для XIX века характерна кристаллизация этих представлений в реальной практике времени. Чувственность, деспотизм, отсталость и прочее коннотируют любое употребление слова «восточный» и со временем становятся привычными. «Мы» и «они» демонстрируют, с одной стороны, разделение, но вместе с тем ведут к генерализации этого «мы» и того «они»¹⁶. Эта оппозиция подкрепляется не только антропологией, лингвистикой и историей, но также и дарвинистской теорией выживания и естественного отбора и – что не менее важно – риторикой высокого культурного гуманизма. Если недифференцированность Востока («Восток есть Восток» – «они») обусловлена его политической слабостью, то консолидация «мы» – мощью Запада. Этноцентризм (= евроцентризм) и даже расизм ярко иллюстрируются концепцией «белого человека» Киплинга. Быть «белым человеком» – не просто идея, но и практика. Утверждение «белого человека» передавало ощущение непреодолимого расстояния, отделяющего белого от цветного или западного от восточного.

В работах лучших ориенталистов периода между мировыми войнами – Л. Массиньона и Г. Гибба – можно найти элементы общего с лучшими образцами учености этого периода. И ориенталист, и неориенталист начинают с того, что западная культура проходит через важную стадию, главная особенность которой – кризис, наложенный на нее такими угрозами, как варварство и национализм.

Гибб родился в Египте, Массиньон – во Франции. Оба могли бы стать очень религиозными людьми, но оба служили вполне мирским целям, воплощая традиционную ученость в политику. Все-таки их деятельность значительно различается. Один был обычным ученым, стремящимся объяснить природу какого-либо явления, мастерски используя средства научного исследования. Другой был весьма эксцентричным исследователем, а потому объективные факты и суждения поглощались и преобразовывались настолько, что не всегда легко было провести грань между предшест-

¹⁶ В этнологических исследованиях Германии с конца XVIII века существует разделение на *Volkskunde* и *Völkerkunde*. Первое представляет исследования культуры немцев и их соседей, второе – неевропейских народов (Свод... 1988: 70–74).

вующим и преобразованным «индивидуальной интуицией его духовных измерений».

Нельзя сказать, что Массиньон был, по существу, исследователем старины; напротив, он был главным авторитетом в исламско-французских отношениях, как в сфере политики, так и в культуре (Said 1979). Он был, очевидно, страстным человеком, который считал, что мир ислама пронцаем, но не ученостью, а преданностью всем его проявлениям.

Взяв за отправную точку существование трех авраамических религий, среди которых ислам представлял религию Измаила, лишённого божественного обетования в пользу Исаака, Массиньон полагал, что ислам – религия сопротивления (Богу Отцу и воплощенному Христу), все еще хранящая печать слез Агари¹⁷. Собственно понятие *джихад* имеет для ислама важное интеллектуальное измерение, миссия которого – война против христианства и иудаизма как внешних врагов и против ереси как внутреннего врага. Внутри ислама Массиньон различал особое течение, для которого главной интеллектуальной целью было учение, воплощенное в мистицизме, путь к милости Божьей (Божественной благодати). При этом он считал иранский мистицизм более смелым, нежели арабский, объясняя это тем, что первые – арии со свойственным им стремлением к совершенству, а вторые – семиты. Знаковой фигурой для Массиньона был Аль-Халладж, который стремился к личному освобождению вне ортодоксальной общины, искал и нашел его: он был распят, но достиг мистического единения с Богом (Massignon 1922).

И все же, несмотря на сочувственное отношение к исламу и его глубокие знания мусульманского Востока, Массиньон относит его к древности, а Запад – к современности. Ни один ученый, *даже* Массиньон, не мог противиться давлению общества или научной традиции. Казалось бы, он шел своим путем, но повторял идеи своих предшественников. Он *обеспечивал* общество представлением о Востоке как о чем-то специфическом, отвечающем культурным, политическим и экономическим потребностям эпохи.

Идея Массиньона о «духе» (*esprit*), напротив, была чужда интеллектуальному и религиозному фону, на котором развивался Г. Гибб. Как и Массиньон, Гибб тоже мог похвастаться дружбой

¹⁷ Русские источники также часто называли мусульман «агарянами».

с мусульманами, хотя и небескорыстной. Он весьма характерная фигура в британской (а позже – американской) научной среде. Вооруженный сознанием важности атлантического содружества, он считал своим долгом быть проводником для политиков, бизнесменов и молодого поколения исследователей.

В отличие от Массиньона, который не скрывал своих метафизических рассуждений, Гибб выдает свои исследования за объективное знание. Однако большинство его работ использует такие понятия, как, например, «ислам», будто оно имеет ясное и четкое значение, хотя невозможно понять, о каком же исламе идет речь (Said 1979).

Хотя Гибб окончательно помещает ислам вне Запада, но в то же время рассуждает о «воссоединении». Впрочем, он отводит ему роль лишь в сфере искусства, философии, религиозной мысли и резко выступает против модернистских течений. Он сторонник мусульманской ортодоксии¹⁸.

Основная внутренняя слабость ислама состоит в разрыве связи между религиозными порядками и мусульманскими высшими и средними классами. Различия между французским и английским отношением к Востоку, по мнению Саида (*Ibid.*), в основном стилистические. Обе традиции используют обобщенное представление о Востоке, сохраняют отчетливое противопоставление Востока и Запада, стремятся к доминированию над Востоком. Несмотря на концептуальные расхождения, французский и английский варианты ориентализма принципиально и фактически оказываются схожи.

Знания о Востоке и знание Востока были не просто удовлетворением любопытства. Каждый раз решались и определенные практические задачи. Доклад А. Дж. Бальфура о положении в Египте иллюстрирует особый аспект такого знания. Поскольку Запад *знает* Восток, *знает* его историю, его взлеты и падения, постольку Запад *знает* (или *может себе позволить знать*), что следует делать. Вооруженный знанием и мощью, Запад способен предпринимать в отношении Востока то, что им считается наиболее приемлемым. Поскольку Бальфур оправдывает потребность занятия британцами Египта, превосходство его мысли связано с «нашим» знанием Египта и преимуществом в военном и экономическом отношении. Знание по Бальфуру означает не только обладание информацией о происхождении, расцвете и падении той или иной ци-

¹⁸ Гибб предпочитает называть ислам магометанством (Muhammedanism).

визации, но и *способность использовать* его. Знать – значит владеть (Said 1979). Знание означает возвышение над непосредственным восприятием, т. е. взгляд *со стороны*. Совершенно естественно, что предмет такого знания уязвим, поскольку объект подвергается преобразованию в зависимости от целей, преследуемых аналитиком. Притом не только в ментальном, но и в практическом смысле. Если «мы» не знаем в истории Востока «фактов» самоуправления, то, следовательно, Востоком *необходимо* управлять¹⁹. Бальфур констатирует, что британцы находятся в Египте не просто ради египтян, хотя «мы» там для «их» пользы; мы там также ради Европы в целом. Англия экспортирует «наше самое лучшее в эти страны» (Thornton 1959: 357–360).

Что действительно имело значение – это нерушимая, всеобъемлющая западная опека восточных стран. Этим занимались все: ученые, миссионеры, бизнесмены, солдаты, учителя.

В отличие от Бальфура, тезисы которого по Востоку претендовали на объективную универсальность, Э. Кроммер говорил о Востоке в конкретно-практическом смысле, как о том, *чем* он управлял в Индии, затем в течение двадцати пяти лет в Египте. Для него Восток – это «подчиненные народы», а знание о «них» делает управление более легким и успешным. Знание дает власть, больше власти требует большего знания и т. д., ко все более выгодному сочетанию информации и контроля (Owen 1965: 109–139).

Этнокультурные процессы

Характеризуя восточные народы, обычно используют бинарные оппозиции. Европейец – мыслитель, его суждения избегают двойственности, он природный логик, хотя никогда и не учился логике, он по натуре скептик и требует доказательств, прежде чем принять нечто как истину. Восточный ум, напротив, образен и стремится к симметрии, его рассуждения небрежны и часто необоснованны. Хотя в древности арабы делали успехи в науке, теперь же не могут вывести элементарного вывода из самых простых условий. Их объяснения многословны и требуют дополнительного выяснения, часто факты противоречат друг другу.

Восточные народы – неисправимые лгуны, они «апатичны и подозрительны» и во всем выступают против ясности, прямоты и благородства англо-саксонской расы.

В своем последнем ежегодном отчете Кроммер объявляет египетский национализм совершенно чуждой и неестественной идеей

¹⁹ Удивительно, что и сегодня Запад, как мы видим, «лучше знает», что нужно Востоку.

для мусульманского общества. Если Восток характеризуется Бальфуром и Кромером как иррациональный, извращенный, инфантильный, «особенный», то, напротив, Запад – рациональный, добродетельный, зрелый, «нормальный». Это в конце концов проводит абсолютную границу между Востоком и Западом (Owen 1965: 109–139).

В течение XIX и XX столетий представления о Востоке принимали разные формы, сохраняя при этом резкое противопоставление. Наука о Востоке стала престижной, были созданы специальные учреждения, такие как Азиатское общество Бенгалии (*Asiatic Society of Bengal*) в 1784 году, а затем Королевское Азиатское общество (*Royal Asiatic Society*) в 1823 году, Азиатский музей в Санкт-Петербурге в 1818 году, Азиатское общество (*Société Asiatique*) в 1822 году, Американское Восточное общество (*American Oriental Society*) в 1842 году, Германское Восточное общество (*Deutsche Morgenländische Gesellschaft*) в 1845 году.

Различия между народами Востока и Запада привели к созданию двух миров («они» жили в «их» мире, «мы» – в «нашем»). Поскольку европеец был в данном случае более мобильным, ему принадлежала инициатива формулирования того, что Б. Дизраэли назвал «Великой Азиатской тайной».

Ориенталист XIX столетия – это не только ученый (китаист, арабист, индолог), но и просто энтузиаст (как В. Гюго, И. Гете), или то и другое вместе (как Р. Бертон, Э. Лэйн, Ф. Шлегель).

Востоковед, путешествуя по стране своей специализации, как правило, интересовался тем, чтобы подкрепить свое знание Востока еще более новыми фактами. Менее всего, по мнению Э. Саида, он занимался изучением данной страны. Поэтому англо-американский специалист по арабскому Востоку предпочитает называть себя востоковедом, а не арабистом (Said 1979).

Другими словами, эта универсализирующая практика обозначения в сознании знакомого места, которое является «нашим», и незнакомого, являющегося «их», *может быть* полностью произвольной. Географические границы сопровождаются социальными, этническими и культурными. Все виды гипотез, ассоциаций и фикций, кажется, переполняют незнакомое место.

Французский философ Г. Башляр называл это «поэтикой пространства». Дом приобретает ощущение близости, интимности, безопасности реальной или образной благодаря опыту. Собственно, объективные части дома – его углы, коридоры, подвал, комнаты –

менее важны, чем его поэтологическое «устройство». Дом может быть уютным, но может быть тюрьмой (Башляр 2004).

Существенно изменилась конфигурация политических сил после Второй мировой войны. Центральное место заняли США, оттеснив Францию и Великобританию. Обширная сеть интересов связала все части прежнего колониального мира с США. Множество гибридных представлений о Востоке бродит по культуре. В понятие «Восток» активно включаются Япония, Индокитай, Китай, Индия, Пакистан. Однако представление об исламе и арабах во многом сохраняет преемственность с прошлым.

После войны 1973 года тотчас появились карикатурные рисунки, изображающие арабского шейха, стоящего у бензоколонки. Нос с горбинкой, хитрый взгляд были очевидным напоминанием, что все «наши» неприятности из-за «них». Перенос антисемитизма от евреев к арабам был совершен гладко, так как фигура была, по существу, та же самая.

Таким образом, если арабы обращают на себя достаточно много внимания, это воспринимается как отрицательная ценность. Они как тень преследуют евреев, но они представляют угрозу не только Израилю, но и самому Западу. В этой оценке проступает традиционное и скрытое недоверие к Востоку.

Помимо своего антагонизма к евреям арабы еще и поставщики нефти, что является дополнительной отрицательной характеристикой. Нефтяной бойкот 1973–1974 годов (который преимущественно приносил пользу западным нефтяным компаниям и узкой группе правящей арабской элиты) связывался с отсутствием любых моральных принципов у арабов. А это в свою очередь вызывает настойчивое желание послать морских пехотинцев разрешить проблему.

В фильмах и на телевидении араб представляется либо развратником, либо жестоким убийцей. Работорговец, погонщик верблюдов, меняла, красавец-негодяй – традиционные арабские персонажи в кино. За всем этим стоит еще и угроза джихада. Если арабов что-то и объединяет, то это ненависть к евреям и Израилю. Эти идеи активно поддерживаются специалистами по Ближнему Востоку.

В 1973 году в тревожные октябрьские дни Арабо-израильской войны *New York Times Magazine* заказал две статьи, представляющие мнения сторон конфликта. С израильской стороны выступил израильский юрист, с арабской стороны – бывший американский

посол в одной из арабских стран, который даже не имел специального образования (Said 1979).

Вместе с тем складывается мнение, что современный Ближний Восток не только не считается центром больших культурных достижений, но и не имеет никаких перспектив в ближайшем будущем.

Один из поразительных аспектов американской социальной науки о Востоке – тотальное избегание филологии. Можно прочесть стопки трудов американских экспертов по Ближнему Востоку и не найти ни одной ссылки на литературный источник. Исторически американский ориентализм возник на основе военных школ по изучению языков. Поскольку знание языка было самым простым путем достижения высоких целей и, конечно, не для того, чтобы читать тексты. Это рабочий инструмент инженера, экономиста, социолога и других специалистов.

На первом (1843 год) ежегодном собрании Американского Восточного общества его президент Дж. Пикеринг поставил задачу изучения Востока, следуя примеру европейских держав, по преимуществу в политическом аспекте (*Ibid.*). Однако Общество способствовало *также* изучению языков, изданию текстов, составлению библиотек. История американского востоковедения отмечена множеством успешных проектов в разных областях, в том числе по санскриту и семитским языкам.

Ход Второй мировой войны резко повысил интерес к Ближнему Востоку и Северной Африке. В первую очередь потому, что эти территории были важными театрами военных действий и к тому же обладали стратегическими и человеческими ресурсами. Предприняты серьезные усилия со стороны правительства, фондов, ассоциаций, институтов. Были собраны практически все публикации на всех языках региона, что рассматривалось как мера национальной безопасности. И это во многом определило не только стратегию отношения с Востоком, но и направления его изучения.

Параллели между европейским и американским подходами очевидны. Более того, директором Гарвардского центра ближневосточных исследований в середине 50-х годов стал Г. Гибб (*Ibid.*), который внес большой вклад в развитие американского ориентализма. Во всех своих проявлениях ориентализм воспроизводится на основе незыблемых принципов:

– он оперирует простыми формами, что особенно отчетливо проявляется по отношению к арабам и исламу. Абсолютизация раз-

личий: Запад – рациональный, развитый, гуманный, высший; Восток – заблудший, неразвитый, низший;

– суждения о Востоке, особенно основывающиеся на классических текстах, всегда используются как обоснования при анализе современной реальности;

– так как Восток неизменен, однообразен и не способен к самоопределению, то наличие общего и систематизированного словаря его описания с западной точки зрения неизбежно и даже научно обосновано;

– Восток – это то, чего нужно бояться («желтая» опасность, монгольские орды, «коричневые» доминионы) или чем нужно управлять (умиротворение, научное исследование, прямое вмешательство).

К сожалению, немногие мусульманские ученые могут эффективно представить иные взгляды. В лучшем случае мусульманин – «информант» для ориенталиста. По сути, он остается презируемым еретиком, который за свои грехи должен выносить свое положение. Хотя есть и «хорошие» арабы (те, кто делает то, что им велят), но есть и «плохие».

Система идеологических фикций, которую Саид назвал *ориентализмом*, требует серьезного внимания, так как, опираясь на эти вымыслы, США испытывают реальные трудности в решении ближневосточных проблем.

И все же, несмотря на неудачи, ориентализм и сегодня процветает в формах, описанных в книге Саида. Есть еще причина для беспокойства – распространение его влияния на Восток. Через книги и журналы на арабском языке (и, несомненно, на японском, индийских и других) распространяются идеи «арабского сознания», «ислама» и т. д. Уже сегодня арабский мир в интеллектуальном, политическом, культурном смысле становится зависимым от США, которые, занимая ведущее место по своему положению и богатству, привлекают наиболее перспективную молодежь для учебы и работы. Элитарные слои многих восточных, в том числе арабских, стран и раньше ориентировались на европейскую культуру, но теперь в этот процесс вовлекаются более широкие слои.

Арабские нефтяные доходы, не говоря уже о маркетинге, исследованиях, управлении промышленностью, базируются в Соединенных Штатах. Это фактически превратило богатые нефтью арабские страны в клиентов американского экспорта. Это верно как для

государств Персидского залива, так и для Ливии, Ирака, Алжира. Поскольку отношения носят односторонний характер, арабские страны превращаются в поставщиков нефти и дешевой рабочей силы, а потребляют широкий набор товаров из США. Вместе с транзисторами, джинсами и кока-колой заимствуется и образ Востока, распространяемый средствами массовой информации. Парадокс заключается в том, что теперь арабы смотрят на себя сквозь призму Голливуда. Это же относится и к другим странам Востока. Любопытно, что обработанные в системе европейской культуры традиционные восточные учения подчас становятся предметом импорта в страны, их породившие.

Современное состояние проблемы с резко изменившимися условиями распространения информации породило, с одной стороны, доступность получения новостей в разных уголках мира, но с другой стороны – такую же легкость создания новых стереотипов, и в особенности в такой деликатной сфере, как этнические отношения.

Существование стереотипов способствует их реальному осуществлению, поскольку концентрирует внимание на простых и понятных свойствах явлений и событий, «обрастающих» дополнительными мифами и предубеждением, к сожалению, определяющими поведение. Именно поэтому обращение к опыту прошлого имеет огромное значение для устранения ошибок и заблуждений настоящего.

Литература

- Аристотель.** 2002. *О душе*. СПб.: Питер.
- Башляр, Г.** 2004. *Избранное: Поэтика пространства*. М.: РОССПЭН.
- Библия.** 1990. Т. 1. *Ветхий Завет: от Бытия до Книги прамудрого Иисуса, сына Сирахова*. Б. м.: Духовное просвещение.
- Вернадский, Г. В.** 2004. *Монголы и Русь*. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ.
- История** Индии в средние века / лит. изл. Э. Н. Темкина, В. Г. Эрдмана. 1968. М.: Наука (ГРВЛ).
- Картины** былого Тихого Дона: Краткий очерк истории войска Донского. 1909. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг.
- Киплинг, Р.** 1989. *Рассказы. Стихотворения*. Л.: Худ. лит-ра.
- Крюков, М. В.** 1984. «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний). *Этническая ономастика*: Сб. статей. М.: Наука.

Любимов, Ю. В. 2007. Знание как образ и событие. *Философские науки* 4: 96–113.

Никонов, В. А. 1984. Этнонимы Дальнего Востока. *Этническая ономастика*: Сб. статей. М.: Наука.

Новая история Индии. 1961. М.: Вост. лит-ра.

Поршнев, Б. Ф. 1966. *Социальная психология и история*. М.: Наука.

Рыбаков, Р. Б. 1981. *Буржуазная реформация индуизма*. М.: Наука (ГРВЛ).

Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. 1988. М.: Наука.

Черчилль, У. 2005. *Мускулы мира*. М.: Эксмо.

Czech Bible of Kralice [n.d.]. Available at: <http://ccel.wheaton.edu/>

Gibbon, E. 1855. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Boston: Little, Brown & Co.

Massignon, L. 1922. *La Passion d'al-Hosayn-ibn-Mansour al-Hallaj*. Paris: Paul Geuthner.

Owen, R. 1965. The Influence of Lord Cromer's Indian Experience on British Policy in Egypt 1883–1907. *Middle Eastern Affairs, Number Four. St. Antony's Papers, Number 17*. London: Oxford University Press.

Said, E. 1979. *Orientalism*. N. Y.: Vintage Books.

Thornton, A. P. 1959. *The Imperial Idea and its Enemies. A Study in British Power*. London: MacMillan.